

К вопросу о преступности душевно-больных.

Пр.-доц. Л. И. Айхенвальда.

Суммирование всякого судебно-психиатрического материала представляет в настоящее время живой интерес с точки зрения выявления особенностей современной преступности в связи с психопатологическими уклонами правонарушителей. Судебному психиатру приходится теперь сталкиваться не столько со случаями клинически выраженного психического заболевания, сколько с представителями т. наз. „малой психиатрии“, в частности—с психопатическими личностями и разного рода мнусвариантами. Вот почему экспертиза на сегодня широко охватывает, помимо судебной психиатрии, и криминальную психологию—по почину одного из видных психиатров и криминологов Германии, Aschaffenburg'a.

Приводимые ниже итоги являются результатом обзора—в общих чертах—того материала, который прошел чрез медицинскую экспертизу при Одесской психиатрической больнице за период 1920—1927 г.г., т. е. за последние 8 лет.

Всего подверглось экспертизе 1360 правонарушителей, из коих мужчин 1158, или около 85%, женщин—202, или 16%. Соотношение мужчин к женщинам равняется 5,7:1.

Если принять во внимание, что в период дореволюционный % женщин-правонарушительниц с психическими сдвигами по материалам той же больницы не превышал 8, то следует признать, что преступность среди психически-анормальных женщин за последние годы *увеличилась вдвое*. Этому не противоречит тот общепризнанный факт, что женская криминальность после войны вообще увеличилась. По Георгиеву в Болгарии после войны она усилилась на 25,4%, тоже отмечает Stanley в Англии, у нас Гернет и др.

При всесоюзной переписи населения домов предварительного заключения 17/ХП 1926 г. оказалось, что на миллион соответствующего населения приходится заключенных мужчин 2648, женщин—152 и обоюто пола—1141. Вообще женское население допров выразилось в 5,9%¹⁾.

Указанные 1360 психически-ненормальных подследственных и заболевших психически правонарушителей распределяются по отдельным годам следующим образом: 1920/1924 г.г.—322, 1925 г.—258, 1926 г.—436 и 1927 г.—344.

Усиление криминальности в 1926 г. может быть отчасти объяснено свободным распространением алкоголя и развитием хулиганства, падение

1) Н. Вишерский. Сб. совр. прест., 1928.

же кривой в 1927 г. является результатом понижения преступности среди травматиков и наблюдаемого теперь некоторого сокращения хулиганства.

Экспертизы проводились: в камерах народных судей в 40% всех случаев, народных следователей—в 24%, в Окружном суде—в 26% и в других судебно-следственных установлениях и местах лишения свободы—в 10%.

По отношению к правонарушителям применены были: экскульпация согласно ст. 10 У. К. (по кодексу РСФСР 11-ой)—в 31% всех случаев (т. е. почти $\frac{1}{3}$) и т. наз. „ограниченная вменяемость“—в 18%; здоровыми признаны были 51% всех деятелей. Довольно большое количество признанных вполне вменяемыми объясняется наличием среди них заметного числа алкоголиков, опьянение коих во время учинения правонарушения не было основания признать патологическим.

Применяя определения „вменяемый“ или „невменяемый“, отметим, что в настоящее время менее всего говорят о вменяемости, вине и наказании. Эти понятия—пережиток, потерявший теперь свой смысл. Нас должны теперь интересовать защита коллектива от антисоциального индивида и изучение личности в возможно широком объеме¹⁾. К травматикам, использовавшим „бегство в болезнь“, мы применяли экскульпацию в исключительных случаях.

По формам болезни наш материал распределяется так:

Психогенные реакции	393—28,8%	общего итога
Психопатия	118— 8,6 „	„ „
Маниакально-депрессивный психоз	13—менее 1%	„ „
Алкогольные формы	337—24,7 „	„ „
Прогрессивный паралич	35— 2,5 „	„ „
Проч. органич. поражения	60— 4,4 „	„ „
Инволюционные психозы	18— 1,3 „	„ „
Эпилепсия	48— 3,5 „	„ „
Шизофрении	112— 7,2 „	„ „
Олигофрении	88— 6,4 „	„ „
Психически-здоровые	138—10,1 „	„ „

Всего . . 1360

Таким образом на первом плане стоят психогенные реакции, т. е. реактивные заболевания, неврозы ситуации (истерия, неврастения, травматический невроз и т. п.); второе место занимают те или иные формы алкогольных интоксикаций; далее следуют психопатии, шизофренические процессы, органические поражения и олигофрении; на последнем месте мы видим маниакально-депрессивный психоз. Непризнанные вовсе больными составляют 10%. Очевидно, нашим психопатологическим индексом могут служить психогенные реакции, алкоголизм и психопатии.

Sullivan²⁾, изучая влияние алкоголизма на разного рода преступления, отметил у исследуемых пессимистический эмоциональный тон

¹⁾ Cp. W. A. White. *Insanity and crime*. Mental Hygiene, vol. X, IV, 1926.

²⁾ W. C. Sullivan. *The relation of alcoholism to insanity and to crime*. 1925.

со склонностью к самоубийству и убийству, с болезненным расстройством нервной и половой систем и мыслительного аппарата.

По Е. Н. Довбне в Москве психопатологическим индексом, специфическим для преступной группы общества, являются психопатии, дающие 20,8%¹⁾, второе место занимают шизофрении, далее следуют органические психозы, эпилепсия, олигофрении; ничтожный % составляют маниакально-депрессивные психозы.

Амбулаторные исследования правонарушителей в Москве—МГУУР—выявили среди них 68% психически неполноценных, из коих психопатов—31% и олигофренов—37%, в местах же заключения 10—15% душевно-больных.

Виды преступлений:

Контр-революционные преступления	59— 4,3% общ. итога
Преступления против порядка управления. 302— 22,2 „ „ „	
Должностные (служебные) преступления	65— 4,7 „ „ „
Нарушение правил об отделении церкви от государства	22— 1,6 „ „ „
Преступления хозяйственные	13— менее 1% общ. ит.
Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности	557—40,2 „ „ „
Имущественные преступления	193—14,1 „ „ „
Преступления воинские	38— 2,7 „ „ „
Задержанные по подозрениям и др.	111— 8,1 „ „ „

Всего . . 1360

Можно заключить, что из всех видов деликтов психически аномальными учиняются преимущественно преступления против жизни, здоровья и достоинства личности, далее—против порядка управления и на третьем месте—имущественные.

Общая характеристика деликтов, по нашим материалам, определяется следующим образом:

Контр-революционные преступления. К случаям обвинения в контр-революции, когда экспертизой в процессе следственных или судебных действий установлено было наличие какого-либо расстройства душевной деятельности того или иного из обвиняемых, можно отнести, между прочим, те, где патологическое состояние выражалось в форме дегенеративной истерии; при этом истерия в период учинения инкриминируемого деяния обострялась или осложнялась сумеречным состоянием. Иногда сумерки эти развивались реактивно в течение пребывания испытуемого в одном из мест лишения свободы.

Так, напр., сельская учительница, истеричка, очутившаяся в чрезвычайно тяжелых материальных условиях, с целью обратить на себя внимание, развешивает на избах селян записки с предупреждением о предстоящих поджогах домов и изб,—о том, что «началась пропаганда духовная и государственная».

Своеобразное «романовское» дело, послужившее предметом разбора в судебных инстанциях, выявило, что матерью «появившегося» в Одессе «лже-царевича» оказалась истеричка Ш., подвергающаяся сумеречным состояниям, склонная к патологической лжи и фантастике, внушаемая, эпизодически галлюцинирующая; у ней имеются обманы чувств с религиозной и сексуальной окраской; временами Ш. бредит (явления сверхъестественного общения с нематериальными силами).

Учительница П. в период медицинского испытания обнаруживает галлюцинаторное состояние на почве реактивного психоза, вскоре разрешившегося.

¹⁾ 1924 г.

В виновных случаях у правонарушителей распознается наличие органических изменений, психопатическая установка, шизоидная конституция и др.

Преступления против порядка управления. Главным образом наблюдается нарушение статей, предусматривающих хулиганство или сопротивление отдельных граждан представителям власти при исполнении последними возложенных на них законом обязанностей. Обычно правонарушителями являются лица невыносимые к алкоголю, травматик, психически неустойчивые (инстабли, аффективные и др.).

Так, напр., 54-летний рабочий, никогда не судившийся, в состоянии глубокого опьянения является в помещение страхкассы и среди беладня, на виду у всех, обнажает свои половые органы и касается ими рук женщин.

Под влиянием легкого опьянения (физиологического) четверо селян по очереди насилуют в сарае батрачку, оказавшуюся больной хроническим энцефалитом.

Громким процессом прошло дело о самоубийстве студента Политехнического института Д. В данном случае одним из отдаленных поводов к его самоубийству явились хулиганские действия трех товарищей, пытавшихся воскресить в советской школе старую бурсу. Напр., один из них, высморкавшись в носовой платок, ткнул им в лицо Д.; другой, под предлогом показать фокус, уложил Д. на пол лицом кверху и обнаженными ягодицами уселся ему на лицо. Экспертизой отмечено было, что хрупкая конституция Д., очевидно, не вынесла цепи тяжелых переживаний, и „шутки“ товарищей частично послужили тем излишком балласта, которым Д. был в конце концов придавлен. Случай с Д. лишний раз подтверждает, что самоубийство является результатом действия двух моментов: индивидуального и социального, взаимодействия всех окружающих условий и психического состояния личности.

В бандитизме уличались, между прочим, субъекты, проявившие в конце концов признаки психических аномалий—в связи с органическими заболеваниями центральной нервной системы, шизофреники или реактивных психозов.

Интерес вызывает случай соучастия в бандитизме молодой интеллигентной девушки, дочери инженера, вовлеченной в преступления (участие в налетах) сожителем, одним из местных налетчиков, убитым впоследствии при преследовании.

Должностные или служебные преступления обусловлены, по нашим заключениям, алкогольной дегенерацией и реже—психическим состоянием.

Так, напр., 24-летний Х. с целью проверки, не поступают-ли на топливный склад, где он работал, поддельные ордера, сам от себя отпечатал в типографии 500 штук ордеров, но не успел их заполнить, так как подделка случайно обнаружилась. Х. оказался шизофреником.

Другой правонарушитель С. обвиняется в растрате, систематическом непредставлении отчетности, в выдаче ссуд частным лицам и т. п., а также в попойках, кутежах и пр. С.—травматик-алкоголик.

Нарушение правил об отделении церкви от государства.

Чрез судебно-психиатрическую экспертизу прошло дело об „поновках“, т. е. сторонниках настоятеля портовой церкви Ионы Атаманского, слышшего среди фанатиков за чудотворца, яко-бы исцелявшего больных молитвами. Ионовцы в значительной мере оказались субъектами с патологическими уклонами, приверженцами мистических и религиозных тенденций, самовнушаемыми, истеричными и психически неполноценными.

Преступления хозяйственные наблюдались сравнительно реже других, причем и здесь первопричиной является обычно алкоголь.

Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Наш материал как будто подтверждает указание, имеющееся в одном из сборников „Убийцы“¹⁾ и гласящее: „Советской юсти-

¹⁾ Ленинград. 1928.

пни и советской криминологии предстоит по новому, в соответствии с пролетарской идеологией, выявить пути, ведущие к убийству“. Действительно, разнообразна мотивация убийств, различны убийцы. Чаще всего они оказываются психически - неустойчивыми, примитивами, импульсивными или аффективными субъектами.

Сотрудник газеты Р. убивает своего товарища и сослуживца С. в состоянии душевного волнения, вызванного оскорблением со стороны потерпевшего, причем спор между ними возник из-за очереди печатания статьи на реминтоне. Юноша Д., подкараулив свою тетку в погребке, убивает ее с целью ограбления (Д. — морально-дефективный тип). Истерик В. из ревности убивает свою жену. В состоянии душевного волнения, вызванного оскорблением со стороны жены, П. убивает последнюю. Под влиянием физиологического аффекта П. из ревности убивает своего мужа. Машинист Д. завлекает на кладбище жену и зверски убивает ее ломом, имея в виду оформить новый брак. Психопат красноармеец Д. убивает товарища красноармейца, повздорив из-за мелких счетов. Престарелый педагог З. из чувства ревности и из-за семейных дрызг убивает свою молодую жену. 18-летний селянин, ночуя в городе в квартире приютившей его женщины, пленяется ее вешами и жестоко убивает хозяйку топором. Энцефалитик Б., надзиратель реформаториума, по неосторожности дает выстрел, коим наповал убивает воспитанника. Зав. „домом врача“ С. спокойно выпускает в председателя правления д-ра Г. три пули из за шкурных мотивов, но прикрываясь высокими целями („доктор был отъявленным типом, дискредитировавшим союзную работу“). Шизофреник Б. убивает топором, под влиянием бреда, случайно зашедшего во двор учителя, обратившегося к нему с вопросом: „какой час?“ Шизофреник Г. на почве ревности, предметом коей явилась случайная незнакомка, беспризорная 15-летняя проститутка, наносит ножем смертельную рану своему сопернику — грузчику. Дебилный Г., 22 л., селянин, во время престольного праздника, ударом камнем в голову причиняет смертельное ранение однокласснику, сняв уже с ног покойника ботинки. В состоянии патологического опьянения Л. убивает родного отца, а шизофреники Л. и К. убивают своих братьев. Психопат-шизоид М. покушается из ревности на убийство своего соперника (на улице). Подросток С., асоциальный тимопат, наносит молотом удар в голову мачихе, „отбившей у семьи отца“. Алкоголик-хроник 55 л. покушается на убийство жены за измену (бред). 63-летний старик Г. под влиянием ссоры с женой покушается зарезать ее кинжалом. Сводя счеты с бывшим мужем, молодая кондуктриса З. покушается на убийство.

Наш материал изобилует также и „половыми преступлениями“. Правонарушителями здесь являются обычно одержимые алкогольной дегенерацией.

Так, напр., Г., 52 л., сапожник, обвиняется в растлении 12-летней внучки. А., 54 л., пытался изнасиловать свою дочь 17 л. („все равно замуж выйдешь“). Травматик В. насилует в поле на возу 15-летнюю дочь. Случаи (3) эксгибиционизма наблюдались у психопатов. В 2 случаях зарегистрировано развращение малолетних учителей; в одном деле шло об учителе Г., который сам мастурбировал учеников и заставлял их делать то же и себе; Г. — тяжелый психопат с педерастическими наклонностями с малых лет; в другом случае вожатый отряда развращал девочек; особых аномалий у него не было констатировано.

Имущественные преступления. Обычно случаи эти связаны с истерией, хроническим алкоголизмом или явлениями ослабумливания.

Преступления воинские охватывают преимущественно случаи самовольной отлучки из части, неповиновения или оскорбления командного состава, наконец, продажи казенных вещей. Виновные проявляют признаки психопатической конституции, ипохондрии, истерии, реже врожденной дебилности или алкоголизма.

Симуляция была констатирована сравнительно редко.

Бандит Б., прославившийся рядом налетов, начинает в допре проявлять признаки психического расстройтва. Лишь внимательным наблюдением удалось заподозрить симуляцию, наличие которой окончательно подтвердилось на судебном заседании, когда Б., под влиянием предупреждения о заслушании дела в его отсут-

ствии (в виду нелепого его поведения на суде), стал давать детальные и вполне правильные показания. Л., учинивший еще до революции ряд предательских действий, дегенеративный субъект, пытается симулировать психическое заболевание, в частности, —припадки эпилепсии, проводя это очень неудачно. Б., психопат и наркоман, аггравировал сумеречные состояния после того, как одно время на самом деле сознание его было как бы вуалировано. Ш. (бандит) пытался симулировать острое бессмыслие, но впоследствии отказался от своего поведения. X., обвиняемый в контр-революции, симулирует мутизм и отказ от пищи, вскоре прекратив притворство.

Резюмируя наш обзор, мы не можем не подчеркнуть отдельно роль алкоголя, как фактора преступности, —^{1/4} часть всех правонарушений совершена по таторамн-хрониками или лицами совершенно не выносливыми к алкоголю. G. Вонне в своей последней работе (Das Verbrechen als Krankheit) считает борьбу с алкоголизмом одним из главных профилактических мероприятий для понижения преступности.

Совершение преступного деяния не стимулируется, как полагает Г. И. Волков (Уголовное право и рефлексология) преступным мотивом; преступный мотив, как определенная потребность, является только отражением в психике субъекта объективного стимулирования преступного деяния.

Само собой разумеется, типичные особенности каждого индивидуума складываются, как результат воздействия трех определяющих моментов: 1) врожденности, 2) эргоногенеза (все физико-химические начала, действующие на организм) и 3) воспитания (Н. А. Белов¹).

Усилению нервозности, —полагает Wilman²), —способствуют рост индустриализации в крупных центрах и скученность среди пролетариата, ибо при этом качественно и количественно усиливаются раздражители повседневной жизни.

Проф. N. Pende верит в возможность эндокринотерапевтической профилактики конституционально-моральной слабости, что уже много лет предлагал Lugaro.

Проблема падения преступности связана с вопросом улучшения человеческого рода, каковой вопрос может быть разрешен, как отмечает Stecher³), не ножом хирурга, а социальным законодательством и широким просвещением масс, необходимой частью которого является просвещение евгеническое.

Заканчивая наши итоги, мы должны отметить, что русский уголовный кодекс применяет принцип законной ответственности ко *всем правонарушителям, каковы бы ни были их физико-психические условия*, в то же время приспособляя к их личности *форму мер социальной защиты*. Вот почему известный итальянский криминалист Enrico Ferri ставит русский уголовный кодекс в авангарде всех цивилизованных стран⁴).

Опубликование настоящего обзора я позволяю себе приурочить ко дню 25-летия научной деятельности глубокоуважаемого проф. Ф. Н. Жмайловича в знак благодарности за предоставление мне возможности вести занятия в заведываемом Им институте судебной медицины.

¹) Цит. по Н. В. Миртовскому, Значение методов био-химического исследования для нейропсихич. экспертизы.

²) Die sogenannte verminderte Zurechnungsfähigkeit. Berlin. 1927.

³) Вырождение и евгеника.

⁴) Вопросы изучения преступности на Сев. Кавказе, 1927, вып. 2.